

Следствием недоучета экологического фактора в инвестиционной деятельности может быть сокращение возможностей инвестирования. Например, снижение видового разнообразия флоры и фауны, деградация ландшафтов в результате интенсивного освоения рекреационных ресурсов Черноморского побережья Краснодарского края может привести к снижению потребительских свойств территорий и объектов. За счет уменьшения экологического инвестиционного потенциала снижается суммарный инвестиционный потенциал, уменьшается инвестиционная привлекательность территории, снижается инвестиционная активность. В этом случае все участники инвестиционного процесса попадают в своего рода экологическую «ловушку» инвестиционной активности. Таким образом, развитие инвестиционной активности в регионе без учета экологических рисков территории ведет в перспективе к снижению инвестиционной привлекательности территории и активности инвесторов. В то же время за счет целенаправленных управленческих воздействий и экономических механизмов (экологическое страхование, развитие региональной нормативно-правовой базы, экологический аудит, оценка природного капитала, проведение средозащитных и природоохранных мероприятий) возможно снизить экологические инвестиционные риски и тем самым увеличить емкость регионального инвестиционного потенциала в целом.

Оценка эффективности региональных инвестиционных процессов должна строиться на основе системы индикаторов устойчивого развития, разработанной применительно к конкретному региону. Таким образом, для устойчивого развития региональной экономики необходимо стратегическое управление инвестиционной деятельностью, где экологическая составляющая является одним из системообразующих факторов.

*О.Н. Толочко, канд. юрид. наук, доцент
ГрГУ им. Я. Купалы (Гродно)*

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОХРАНЫ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Одной из новых областей науки и техники, значение которой существенно возросло в последние годы, является *биотехнология*. Развитие правовой охраны биологического материала в СССР и на постсоветском пространстве происходило медленно по сравнению с США, странами Европейского союза и Японией. В упомянутых странах уже с 1980-х гг. можно было получить патенты на весь спектр генетически модифицированного биологического материала, в том числе на трансгенные растения и животные. Законодательством СССР с 1985 г. в качестве охраноспособных изобретений были признаны лишь молекулярные продукты генной инженерии, на которые могло быть выдано только авторское свидетельство, а также индивидуальные штаммы конкретных видов генетически модифицированных микроорганизмов, на которые охрана могла испрашиваться, либо в форме авторского свидетельства, либо патента.

Новое патентное законодательство 1990-х гг. предоставило единую форму правовой охраны — патент — всем видам изобретений, однако круг патентоспособных изобретений на биологический материал так и не был расширен. И только в соответ-

ствии с изменениями, внесенными в законодательство в 2003 г., стало возможным получить патент на продукт любой отрасли промышленности, следовательно, и на такие биотехнологические продукты, как генетически модифицированный макро-биологический материал — трансгенные растения и животные, не относящиеся к конкретным сортам и породам, а также на микробиологический материал (трансформированные клетки) как таковой.

В настоящее время вопросы патентоспособности того или иного объекта изобретения решаются в западных странах в основном исходя из решений суда. Именно по решению суда первым запатентованным животным, полученным с помощью методов генной инженерии, стала «гарвардская мышь» — предназначенное для исследований животное, восприимчивое к раковым заболеваниям человека. Впоследствии были запатентованы и другие грызуны, восприимчивые, в частности, к вирусу СПИДа. На основе этого решения суда возник прецедент — «патентоспособным является любой объект, находящийся под солнцем и созданный руками человека». Вместе с тем это не относится к человеческим организмам — такой объект изобретения противоречит, по мнению американских юристов, конституции США, в которой есть статья, отменяющая рабство.

Разработанные в Европейском союзе рекомендации создают менее благоприятный климат для развития биотехнологий по сравнению с США и Японией. Из числа патентоспособных исключен любой способ, изменяющий генетическую идентичность человеческого тела для нетерапевтических целей. Манипулирование человеческим геном патентоспособно только в том случае, если с помощью этих манипуляций избирательно исправляют генетический дефект путем ввода нормального гена на место соответствующего дефектного. В отличие от однозначной позиции американского патентного ведомства, в Европе биологический материал, включая трансгенных животных, непатентоспособен, когда изменение генетической идентичности животного причиняет им страдания без пользы для человека.

Для эффективной охраны биотехнологических объектов в настоящее время существует ряд проблем. Во-первых, не всегда однозначно можно определить то, что получено в результате интеллектуального труда: изобретение или открытие. Во-вторых, согласно традиционной теории изобретения могут быть сделаны только в областях физики и химии, но не в области биологии, так как биологические процессы не поддаются полностью контролю и описанию. В-третьих, как уже указывалось, в ряде случаев имеются четкие законодательные положения, исключающие отдельные категории биотехнологических изобретений из правовой охраны. Однако очевидно, что необходимость правовой, в том числе международной, охраны биотехнологических изобретений находит все большее понимание. Такая охрана уже предоставляется в государствах, где уровень развития биотехнологии более высок. Следует ожидать, что уже в скором будущем вопрос о международной охране биотехнологических изобретений получит определенное разрешение.